

САТИ ЕПРЕМЯН

@satiepreman

**МУЖСКИЕ
АРХЕТИПЫ
В ЗЕРКАЛЕ ИСКУССТВА**

**РЕФЛЕКСИЯ
ЧЕРЕЗ ВЕЧНУЮ КЛАССИКУ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 7.03:159.92
ББК 85+88.37
Е65

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Епремян, Сати.

Е65 Мужские архетипы в зеркале искусства. Рефлексия через вечную классику.— Москва: Издательство АСТ, 2026. — 176 с. — (Архетипы в сказках и мифах. Психоразборы).

ISBN 978-5-17-178195-8

В этой книге вы откроете, как на полотнах мастеров нашли свои отражения мужские архетипы: воины, отцы, обольстители и творцы. Сати Епремян проведет вас от общего анализа картин до глубокой рефлексии: как раскрываются эти типы личности, каковы их уникальные черты, как можно увидеть их в самом себе. Познав же себя, вы познаете мир.

Сквозь века в искусстве воплощались глубинные переживания человечества. На картинах классиков мы можем найти собственное отражение, если только будем знать, на что обратить свет своего внимания. Позвольте этому тексту направить вас по нужной тропе.

Сати Епремян — искусствовед, специалист по психологии искусства и эмоционально-образной терапии.

УДК 7.03:159.92
ББК 85+88.37

ISBN 978-5-17-178195-8

© Сати Епремян, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2026

*Я не то, что со мной случилось,
я — то, чем я решил стать.*

Карл Густав Юнг

Уверены ли вы, что знаете, о чем говорите, когда произносите «Я»?

Обратившись к бездонному источнику знаний о человеке, берущему начало в том самом миге, когда вспыхнул свет самосознания, а именно к коллективному бессознательному, мы с удивлением обнаружим, что человечество, независимо от верований, оставляло место большему. Большему, способному оказывать влияние на его чувства, мысли и действия.

Неким силам, проявляющимся в особенностях тела, влечениях души и нюансах характера.

Кто-то называл их духами, кто-то — богами, кто-то — сущностями, наука же предпочитает называть их частями психики, взаимодействующими между собой, а также с неким внешним пластом культурно-социальных проявлений.

Чтобы не пускаться в дебри метафизических понятий, усложняя себе и так не особо беззаботную жизнь, гиганты психоанализа сгенерировали термин «архетип», который и мы покорно возьмем в использование, выбирая путь наименьшего сопротивления.

Изучение архетипов, органично сочетающее эмоционально-образное погружение и анализ, пробуждает не только ум, но и чувства, позволяя найти в себе и в мире те самые ответы, так необходимые для того, чтобы прожить жизнь цельно, в контакте с реальностью и с вечным. Не только познать свое Я,

но и соприкоснуться с тем бóльшим, что влияет на человека, питает психику смыслами, а тело — энергией.

Одним из основоположников теории об архетипах стал ученик великого Фрейда, не менее гениальный Карл Густав Юнг. Именно он, желая облегчить нам путь к осознанности, а себе — к славе, ввел в психологию теорию двух частей психики: женской и мужской — анимы и анимуса. Двух равноправных и равнозначных, но не равнофункциональных энергий нашего внутреннего мира.

«Если бы мне нужно было одним словом обозначить то, в чем состоит различие между мужчиной и женщиной в этом отношении, и то, что характеризует Анимус в отличие от Анимы, то я могу сказать только одно: если Анима производит настроение, то Анимус — мнение», — так говорил сам Юнг.

Исходя из этого, вступим на наш путь и мы, чтобы познакомиться с тем, что называют мужской частью психики, или мужскими архетипами, отвечающими за волю, решение, мнение и, в конце концов, вектор жизненного пути.

Архетип — это вечный образ, который живет внутри нас и проявляется во внешнем мире через мифы, легенды, сны, искусство и поведение. Он встроен в человеческую психику, словно программный код, который задает базовые модели восприятия и действия.

Архетипы — это наши мосты между личным и коллективным, между индивидуальной линией жизни и вечными сюжетами.

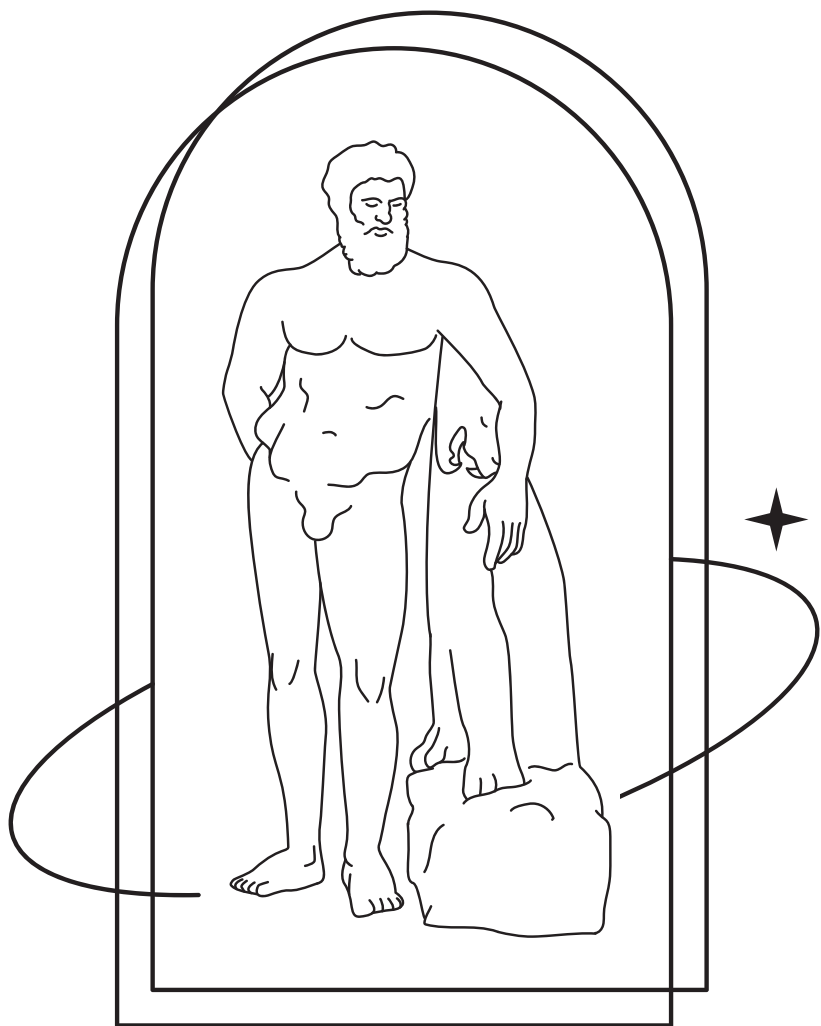
Знакомство с ними способно подсказать, какие энергии мы можем проявлять, какие роли примерять в жизни и к чему тянемся душой.

Пробираясь по страницам книги, мы познакомимся с проявлениями, ведущими вглубь понимания своих жизненных приоритетов и целей, встретимся со своей силой и твердостью.

Листая эти страницы, мы погрузимся в отношения с правилами, воинами, обольстителями, отцами и творцами, чтобы увидеть, словно в зеркале, части своей психики, ограничения и возможности. Ощутить связь с вечным и связь с самим собой в самых удивительных и неожиданных воплощениях.

Вперед?

Отцы

*Гораздо легче стать отцом,
чем остаться им.*

Василий Ключевский

Что значит быть отцом? Означает ли это участие в зарождении жизни или же эта роль гораздо больше и глубже, чем мы можем себе представить?

Тот ли это, кто ограничивает и показывает ребенку границы, или же тот, кто дает понять, что мир гораздо больше, чем наши желания и влечения?

Отец — тот тот, кто может создать мост между хаосом и порядком, ввести его в структуру закона и ритуала. Тот, кто способен дать в руки меч, но не сражаться вместо самого героя. Тот, кто стоит на пороге между детством и зрелостью, между материнским теплом и здравым разумным выбором. Тот, чья власть должна вовремя закончиться, дабы не породить тиранию и жестокость.

Мы не найдем в архетипе отца всех ответов, но определенно встретим вопросы, способные эти ответы породить.

Прошу знакомиться — отцы.

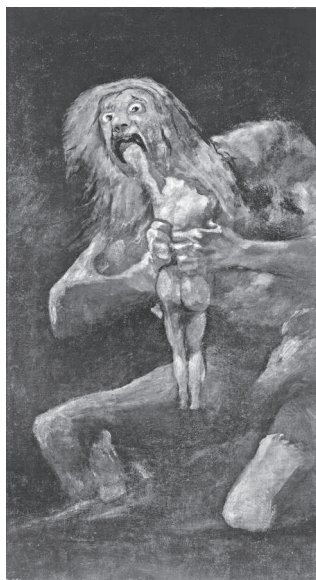

Кронос. Безжалостный и всепоглощающий

Знакомый всем нам со времен школьных уроков по мифологии, — будем честны, не с самых лучших своих сторон — Кронос на самом деле не так однозначен в своих проявлениях.

Начнем с того, что именно он, титан и сын прародительницы Геи, сверг отца своего Урана, чья бесконечная плодовитость, но в то же время ненависть к своим порождениям, угнетала проявления жизни. Разрезав серпом небо, коим и был Уран, Кронос установил порядок и цикличность, а значит, он первый, кто заявил о таких понятиях, как мера и достаточность.

Однако, как бы сейчас сказали, не проработав отношений со своим отцом, он пришел к такому же исходу: к пожиранию детей своих, дабы избежать свержения. Карл Густав Юнг называл подобных персонажей «архетипами разрушительного начала», а если иначе — тенью, в которой отцовская функция превращается в контроль, в удушение и в отказ

—◆—
*Франсиско де Гойя
и Лусиентес.
Сатурн. 1820–1823 гг.*
—◆—

—◆—
*Питер Пауль Рубенс.
Сатурн,
пожирающий Сына.
1636–1638 гг.*
—◆—

в свободе. Как это ни удивительно, но подобный Кронос как архетип может быть возвращен и в матери, если в психике женщины превалирует более желание властвовать, нежели созидать.

Самым впечатляющим изображением не только в плеяде работ, повествующих об истории начала мироздания в понимании древних греков, но и в целом в истории искусства, с уверенностью можно назвать картину Франсиско Гойи «Сатурн, пожирающий своего сына».

Написанная гениальным испанским мастером в пору, когда рассудок начал покидать его, прямо на стене Дома Глухого в Мадриде, фреска поражает мрачными тонами, контрастирующими с безумными глазами божества и кровью, льющейся красными потоками. Старик, немощный, покинутый, потерявший разум, вгрызается в плоть собственного ребенка. Кронос, ввремя не передавший власть, уже не про порядок, систему и время — он про безумие и хаос. Сатурн Гойи — это не царь, а монстр, тот, кто даже не знает, что он ест и зачем, он полон страха, животного и уничтожающего.

Этот же сюжет воплощает фламандский художник Питер Пауль Рубенс, в трактовке которого мы видим будто живых Кроноса (Сатурна) и одного из его детей. Рубенс, будучи

певцом красоты человеческой плоти, пишет и отца, и младенца настолько реалистичными, что если в случае с Гойей мы сталкиваемся с непостижимым безумием, ввергающим в ужас, то здесь реагируем прежде всего телом, чувствующим боль.

Важным представляется отметить, что Кронос — это архетип не только отца, но и времени как процесса. Времени, которое ставит границы жизни, безучастного к нашим страхам и стенам. История Кроноса, изначально установившего порядок и меру, повествует о том, что, если пойти против законов течения жизни, попытаться остановить поток и сохранить контроль над тем, что должно идти своим чередом, мы неизменно столкнемся с уродством и свержением.

Однако, вспомнив нашего героя из другой главы, Зевса, отметим еще один немаловажный нюанс. Зевс освобождает своих братьев и сестер, дав отцу зелье, жизнь побеждает, но Кронос не уничтожен. Он в подземелье, в тени, в незримом присутствии.

Мы не можем уничтожить ни время, ни образ отца в себе, но можем освободиться от их власти благодаря взгляду в будущее с открытым сердцем.

Библейские отцы. Добрые и смиренные

Иосиф Обручник

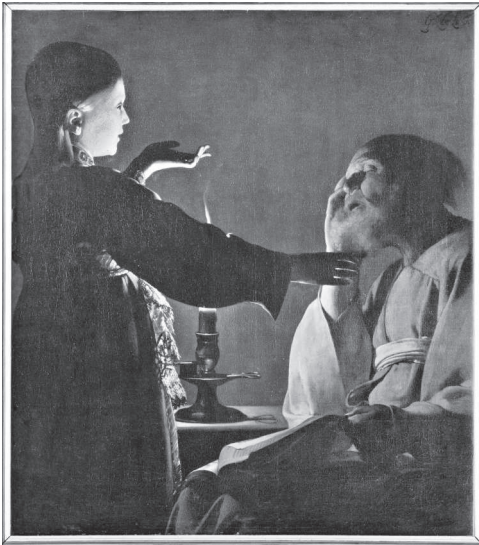

◆
*Рафаэль Санти.
Бракосочетание
Девы Марии.
1504 г.*
◆

Фигура Иосифа занимает в христианской традиции особое место. Она одновременно центральная и стоящая в тени. Не сказав ни слова, он звучит весомо. Он — защитник, опора, хранитель. Иосиф — это тишина, зрелость и смирение, внутренняя устойчивость перед лицом неизвестности.

Одним из распространенных сюжетов в искусстве является «Обручение Девы Марии», к которому обращается и Рафаэль Санти, итальянский мастер эпохи Возрождения. Мы наблюдаем свадебную церемонию: священник держит за руку смиренную Марию и подобного ей в своем следовании воле Божьей Иосифа.

Приглядевшись, мы заметим в руке Иосифа посох, единственный, который расцвел. По преданию, это и явилось знаком его избранности. Однако, обратив свой взор на гостей, мы найдем еще одну особенность, проявленную на контрасте с эмоциональным

—◆—
*Жорж де Латур.
Сон святого Иосифа
Первая пол. XVII в.*
—◆—

поступком юноши, ломающим свой посох из-за того, что не был он избран, — спокойствие, зрелость и уравновешенность Иосифа. Другой же юноша, напротив, еще сам ребенок, не познавший сути принятия воли Божьей и обретения покоя в сердце.

Согласно Евангелию от Матфея, после их обручения, прежде «нежели сочтались они», Иосиф узнал, что Она беременна, и желал «тайно отпустить Ее». После этого архангел Гавриил явился во сне Иосифу и успокоил его, сказав: «Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их». После этого, как повествует евангелист, «Иосиф принял жену свою, и не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус».

Сон этот изображает французский живописец Жорж де Латур. Мы, будто допущенные до таинства, подглядываем за тем, как божественный замысел касается руки уставшего и одинокого старика, роль которого в том, чтобы человечество обрело Спасителя, нельзя недооценить. С психоаналитической точки зрения Иосиф — образ зрелого Эго, способного принять парадоксы и неожиданности. Он сталкивается с ситуацией, разрушающей

—◆—
*Бартоломе Эстебан
Мурильо.
Святое семейство
с маленькой птичкой
ок. 1650 г.*
—◆—

привычную структуру реальности, с беременностью невесты, но не предается мелочным проявлениям человеческой слабой природы, не убегает и не обвиняет — он доверяется жизни и в то же время служит ей. С точки зрения аналитической психологии Карла Густава Юнга Иосиф представляет собой архетип отца-тени — фигуры, находящейся рядом. Он — тот, кто дает форму, но не притязает на сущность.

Он — фигура зрелой мужской энергии: сдержанной, защищающей, не доминирующей. Его молчание — символ внутренней собранности и способности быть рядом с божественным без претензии на обладание им. Гвидо Рени на одной из самых, на наш скромный взгляд, трогательных сцен в истории живописи, на картине «Святой Иосиф с младенцем

Иисусом», подчеркивает эту мысль. Иосиф держит младенца Христа на руках, будто драгоценный сосуд. Он любит его, радуется, защищает; он видит в нем творенье Божье, как и положено любому отцу — в любом земном дитяти.

Архетип отца, проявленный в Иосифе, обладает и выраженной мужественностью, той, что не про власть, а про ответственность, не про доминирование, а про поддержку. Бартоломе Эстебан Мурильо, испанский мастер XVII века, воплощает все это в красках. Не зная, что перед нами Святое семейство, мы увидим обычную семью, жизнь которой полна бытовых забот. Семью, в которой есть доверие, уважение, радость и к тому же есть место чувствительной и тревожной матери, озорному и беззаботному мальчику и, конечно, сильному, большому, спокойному и доброму отцу. Иосиф велик тем, что способен быть в присутствии священного без тревоги и напряжения.

Он — фигура тишины, под защитой которой способна сохраняться уязвимость жизни.

Отец блудного сына

Редко встретим мы, когда отец будет занимать центральное место в истории, и неспроста это так. Отец — это одна из невидимых опор личности, маяк и гавань порой в том числе. Так это преподносит и притча о Блудном сыне, которая записана в Евангелии от Луки.

Сюжет рассказывает историю героя, что попросил у отца наследство, потратил его в дальних землях и вернулся ни с чем.

Стыдясь своих поступков, он надеется лишь на место среди слуг, однако отец встречает его с распростертыми объятиями, провозглашая:

«Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите, станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Есть в истории место и сыну старшему, обнаружившему сцену возвращения младшего брата:

«Я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне

повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного тельца».

Отец ответил: «Сын мой! Ты всегда со мною, и все мое твое».

Архетип отца раскрывается в этой притче с самых теплых, милосердных и принимающих сторон. Величие отца проявляется уже в том, что он отдал наследство сыну, высказав ему доверие. Позволил самому решить, как распорядиться, дал потерять и пережить связанные с этим страдания. При этом, когда сын ошибся, принял его обратно, дав понять, что, что бы ни произошло, у того есть дом.

Безусловно, величайшим изображением этого сюжета была, есть и будет работа Рембрандта Харменса ван Рейна, у которой ваша покорная слуга провела не один десяток минут, погруженная в гениальные светотени голландского мастера. Глядя на картину, мы с вами невольно становимся свидетелями интимной сцены. Блудный сын, припавший к ногам отца своего, выглядит сломленным: одежда его растрепана, башмаки стертые, тело обессилено. Он будто в отчаянии, и его отец — это последний оплот веры, тот, кто не оставит, не предаст, не прогонит. Материальное воплощение божественного начала.

Фигура отца в «Возвращении блудного сына» Рембрандта — это тихий центр всей сцены, ось, вокруг которой вращается драма. Его образ словно соткан из мягкого света. Его руки — главное, что бросается в глаза: одна широкая, тяжелая, мужская, другая — тонкая, почти женская. Они лежат на спине сына, как две половины одного целого — и строгая опора, и нежное утешение. Этот контраст делает фигуру отца не просто человеком, а образом милосердия, в котором соединяются и справедливость, и сострадание. Лицо его освещено мягким золотым сиянием. В нем нет ни укора, ни страсти, а только глубокая тишина и всепоглощающее принятие. Это лицо человека, который видел многое, пережил утраты и знает цену прощению. Одежда отца тяжела и почти монашески проста, что усиливает впечатление внутренней духовной стойкости.

Бартоломе Эстебан Мурильо, испанский мастер, упомянутый нами ранее, тоже обращается к этому сюжету: вотличие от Рембрандта,

использующего завораживающую дымку и контрастные драматичные светотени, Мурильо придает сцене больше радости и праздничности. Слуги, стоящие рядом, готовятся к празднику: один несет новые одежды для сына, другой — золотое кольцо, символ возврата к прежнему статусу.

Есть здесь и тот самый брат, что недоволен тем, что младший не наказан. Однако фигура отца настолько миролюбива и масштабна, что создает ощущение стабильности, какие бы конфликты ни были потенциально возможны.

В левой части картины мы видим трогательную сцену, будто бы отвлекающую нас от драматичности библейского сюжета своей житейской тематикой:

◆
*Бартоломе Эстебан
Мурильо.
Возвращение блудного
сына
ок. 1670 г.*
◆